

«Предания Старой Барабы»

На одном из литературных вечеров в своём выступлении я помянул нашу общую с Анатолием Андреевичем Азовским детскую обитель – Первомайский посёлок, в коем мы оба жили, набирались ума-разума и по какой-то странной закономерности стали писать и создавать книги. И вдруг, словно предчувствуя свою кончину, Анатолий Андреевич предложил съездить вместе в Первомайский посёлок, посидеть, вспомнить былое.

На месте, где был посёлок, стоит уже новый завод. Ни улочки, ни ручья Мокрицы, ни родника. От мостка в школу одни столбы в Железенском пруду торчат...

Но вот что удивительно: в зрелом возрасте, старея, не можешь вспомнить, что делал вчера, а вот детство вспоминается как вчерашний день, ясно и красочно, со многими мельчайшими подробностями, которые мы и жалели увидеть...

Напротив Первомайки, на левом берегу Криолитового пруда, находилось баракного типа здание – Дом культуры. От него на схвях уходил в пруд пирс, возле которого находились лодки. Часто летними вечерами и в праздничные дни оттуда раздавалась громкая музыка.

Волшебная музыка плыла, парила над тихой водной гладью, в которой отражался Криолитовый посёлок вместе с больницей, заводоуправлением, пожаркой, охраной завода, библиотекой и Домом культуры. Дивные мелодии окутывали меня невидимой, ласковой шалью и уносили в неведомый, сказочный мир, который видел на картинках в книгах со сказками А.С. Пушкина.

Учила меня запоминать буквы и их значение моя бесценная бабушка Варвара Амплеевна, по мужу – Зозина. Раскрывая старую потёпанную книгу –

Евангелие, водил пальчиком по буквам, пытаясь понять, разгадать их завораживающее, сказочное, недоступное мне значение.

Читая сказки, нянюшка часто отрывалась от книги, начинала разъяснять что-то мне непонятное, и невольно возвращалась к своему детству, и начинала рассказывать сказки, слышанные от своей мамы и бабушки. Её чуднейшие, дивные, завораживающие сказки так и хранились в моей душе, которые нужно обязательно поведать всем внукам и внукикам.

Однажды произошло со мной удивительное чудо. Братишко сродный Юра позвал меня послушать одного (безымянного теперь) рассказчика. Пришли к бараку с очень высоким крыльцом, на краю и возле которого толкалось много ребятни. А когда на крыльце вышел мужик, все бросились к нему, и началась толкотня. Каждый стремился сесть к нему поближе. Человек тот отменно запомнился. Фуражка-семицлинка, майка, брюки заправлены в сапоги, которые блестели зеркальным блеском, в зубах беломорина. Выложив пачку папирос на дощатый пол, с необычных прибауток он начал беседу с пачками. Вот от него-то я и начал узнавать об окружающих меня



Жители Первомайки, 1935 г.

горах, речках, об их названиях и невероятных событиях, происходивших с людьми. Эти люди строили запруду, вырубали лес, разрабатывали рудники, шахты, искали золото. От него впервые услышала рассказы о страшных сталинских лагерях, во что не верил и стал расспрашивать об этом отца. Много чего тогда не понимал, но вот таинственные рассказы о напрятанных разбойниками богатствах в горах, о добыче старательями золота в самом деле «золотой пыльцы» осели в сознании и сохранились в моей голове до сих пор. Я не просто поверил услышанному, но и стал настырно искать повод попасть в загадочную пещерь на Азов - горе, где жила разбойная атаманша девка Азовка. Эти поиски начались

после того, как увидал невообразимо изумительные, сказочные, завораживающие картины.

Возле пожарной части и охранных заводов находился магазин. В нём прекрасным художником, безымянным теперь, нарисованы были две изумительнейшие картины. Слева, как войдёшь в магазин, переливаясь золотом, с чёрной, вьющейся кольцами бородой, устрашающе уставившаяся на опешивших мальчуганов Великий Полоз. Справа от двери – лесной козлик Серебряное Копытце, который высекал на крыше засыпанной снегом избушки искрящиеся самосветы (правильно пишется самосветы: камни не могут «цветиться»).

Бабушка ничего об этих картинах рассказать не могла, зато отец принёс из детской библиотеки книжки, от которых я совсем потерял покой. Увидав на рисунке ковшик, которым мыли золото, попытался в ручейке Мокрице консервной банкой «добыть» золото. Попытка кончилась полнейшей неудачей, бабушка следила за мной и во время вытащила меня из глубокого ручья, бежавшего по огородам с Верхней Ворошиловской улицы. На углу нашей улицы Челюскинцев, по дороге на склад взрывчатки, жили два брата с сестрой. Надежда была моим опекуном и потому часто возвращала «блудного внука»

моей бабушке. С её братьями и дружил Анатолий Черносколов (Азовский). Старшие учили стрелять из рогатки металлической дробью, запускать с петардами картофельные пампушки, водили на карьер купаться. Рассказывали, как ходили на Азов, но с собой, увы, не брали. Много чего мы тогда вспомнили, казалось, навечно забытого, с Анатолием Андреевичем...

Последний маршрут был посвящён Зимнику. Короткая лесная конная дорога на Лавровские, Ревдинские и Бардымские степи пригодной для вывоза сена была только зимой, когда болота перерезали. Это посещение Зимнику оказалось последним нашим задушевным воспоминанием о детстве.

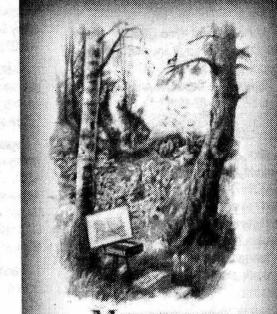
Прошло немало лет, пока я

впервые попал на загадочную, священную для башкир и татар гору Азов. Но ранее произошло событие, которое сильно повлияло на познание моего родного края «наощущ». Нянюшка позвала меня сходить в гости на Старую Барабушку, где она жила до Первомайки, почти на самой вершине горы. В те младые годы думал, что Старая Барабушка – это моя няня, а оказалось, что гора Думная. Как только взобрались с ней на самую верхушку, у меня чуть сердце птицей не выскочило. Такие дали открылись передо мной, что описать невозможно. Сразу же захотелось узнать, а что там, дальше, за синими горами, за зелёными долами, за глубоким прудом.

Начались расспросы и допросы, на которые иногда бабушка ответить не могла, и стала я расспрашивать людей. Когда стал учиться в восьмой школе, судьба свела с учителем зоологии и ботаники Иваном Андреевичем Головиным, который направил меня на путь, и стал я записывать в замыганные тетрадки всячую всячину, слышанную от старых полевчан. Много было собрано всевозможных преданий, баек и воспоминаний о старом житьё-бытье, которые потихоньку заставили меня начать писать заметки в «Рабочую правду»,

посвящённые родному краю...

Вольно или невольно, целенаправленно или случайно, но литературные сотрудники газеты подтолкнули меня на правильную тропку, стал обрабатывать собранное, и вдруг появилось невыносимое желание воссоздать в памяти байки и предания, слышанные от старых полевчан. Первой была напечатана книжка о родном Попевском, необычайно красивом и сказочном горном крае, где дружно живут причудливая быль и сказочная небыль, хранящаяся в преданиях многонационального российского народа, под названием «Дед Топазишико». Затем последовала вторая – «Айсылу», в переводе с башкирского – «Цветущая луна», посвящённая Таш-камню, находившемуся возле озера Итуль. Читатели стали спрашивать, много ли былиц будущих публиковать, после подсказали: если будет книга из множества былиц, значит, и должно быть общее название. И тут-то название и подсказали воспоминания из «первомайского» детства. Цикл былиц назвали «Предания Старой Барабы». Третья книжка посвящена Палёной горе, которая застроена Новым посёлком. На ней, на улице Луначарского, пролегал каменистый гребень, возле которого почти каждую ночь летней порой ребята жгли костры. Возле них собирались народ и ведал, кому что на душу приходило. В повествовании вкратце перечислены былицы, которые будут выпущены для юных и взрослых полевчан и в коих сохранена душа старых рассказчиков. Наконец-то выпущена четвёртая книжка, которая является своего



Миденка

Суренков И.И.

Обложка книги "Миденка".

рода учебным пособием, где на примере былицы «Миденка» повествуется, как и из чего рождаются былицы. Книжечка выпускается на нищенскую пенсию очень мало, поэтому всегда прошу прощения у полевчан, что не могу их одаривать этими книжечками бесплатно.

Владимир Суренков